

*А.Н.Сорочайкин**

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ: ОПЫТ РОССИИ

Статья посвящена обоснованию особого статуса России как *развивающегося общества*. Такого рода характеристика определяется как внешними (интенсивные контакты со странами, уже прошедшими путь индустриализации), так и внутренними обстоятельствами (глубокий разрыв между «импортированными» социально-экономическими институтами и имманентными для России социальными структурами). Особое внимание уделяется осмыслению *идеологического* сопровождения процесса модернизации, уяснению причин слабости идеологии российского либерализма.

Существенно трансформированный вариант либерализма как идеологии индустриализации и модернизации страны был в свое время применен в России. На то имелись особые причины. В условиях российской отсталости для «смазки» идейных колес модернизации требовалась гораздо более жесткая идеология, чем в странах Европы — Франции и Германии. Во многих исследованиях указывается на целый комплекс экономических особенностей России, которые активно препятствовали ее модернизации и придавали последней характер спорадических импульсов, за которыми, как правило, следовали попятные движения. Остановимся более подробно на главных, с нашей точки зрения, препятствиях либерализации и модернизации экономической жизни России.

В значительной степени такого рода препятствия были обусловлены сложившимися в России отношениями собственности. Известно, что страны Западной Европы унаследовали от Римской империи понятие частной собственности, опирающееся на хорошо развитую юридическую основу. Собственность имела самостоятельное значение и не обязательно отождествлялась с властью. Многовековая культура частной собственности в Европе отработала такие качества хозяйствующей личности, как индивидуализм и экономический рационализм, которые были весьма важны не только для партикулярного индивида, но и для экономической жизни общества в целом.

* © Сорочайкин А.Н., 2005

Сорочайкин Андрей Никонович — кафедра менеджмента Самарского государственного университета

Приходится констатировать, что Россия в отличие от Запада не выработала римских понятий о собственности. Отечественная история сложилась так, что начавший развиваться институт частной собственности в Киевской Руси был замещен в дальнейшем нерасчлененностью собственности, слиянием власти и собственности, прежде всего — базовой для крестьянской экономики России *собственности на землю*. Феномен «власти-собственности» оказал весьма существенное влияние на общественное отношение к этому институту вообще и наложил на него существенный нравственно-этический отпечаток. Русскому человеку было свойственно убеждение, что «правда выше принципа собственности». Важно также то, что в западноевропейских странах социальная структура общества формировалась преимущественно снизу на основе учета взаимных привилегий и обязанностей различных слоев общества, что вело к постепенной либерализации форм правления. В России же организация общества осуществлялась в основном сверху.

Очень важное отличие России состояло в слабости инфраструктуры, необходимой для буржуазных преобразований. На Западе такой инфраструктурой выступал прежде всего город. Там, как отмечал С.М.Соловьев, город разбогател и освободил село. Хотя в России в отдельные исторические периоды роль городов была достаточно велика (Киевская Русь, Северо-Восточная Русь, Псков, Новгород), но их существование отнюдь не стало магистралью экономического развития страны. Оно во многом было подорвано феодальной раздробленностью и татаро-монгольским нашествием. При этом города складывались не как центры ремесла и торговли, а создавались прежде всего как опорные пункты власти. Все это дает основание заключить, что в результате в докапиталистическом развитии страны отсутствовала стадия развитого *городского хозяйства*.

Об этом коренном отличии европейской истории от русской очень хорошо написал выдающийся русский экономист М.И.Туган-Барановский: «Средневековый город, цеховое ремесло были почвой, из которой выросла вся цивилизация Запада, весь этот в высшей степени своеобразный общественный уклад, который поднял человечество на небывалую культурную высоту. Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада — буржуазию. Достигнув экономического преобладания, буржуазия стала и политически господствующей силой и вместе носительницей культуры и знания... Историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленности — и в этом заключается *самое принципиальное, самое глубокое* (курсив наш. — А.С.) отличие ее от Запада, отличие, из которого проистекали, как естественное последствие, все остальные. Не зная городского хозяйственного строя, Россия не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнейшей хозяйственной истории Запада» [1. С. 419-420].

Необходимо подчеркнуть, что в России гораздо более существенную роль, чем в западных странах, в экономической жизни играло государство. Особенно это стало заметно в эпоху Петра I. При этом государство, правящая элита всегда в хозяйственной жизни преследовали собственные интересы, связанные прежде всего с усилением военной мощи страны и с международной торговлей. Это обстоятельство необходимо учитывать при рассмотрении проблемы экономического своеобразия России. Так, интерес к международной торговле с Европой способствовал тому, что борьба за доступность морских торговых путей имела поистине государственное значение. Отсюда стремление «прорубить окно в Европу» на Балтике, регулярные войны с Турцией за проливы и т.д. Развитие собственного внутреннего рынка меньше беспокоило власть, в результате экономическая активность «верхов» и «низов» часто оказывалась разнонаправленной.

Тем не менее послепетровская Россия демонстрировала определенные успехи в экономическом развитии и не выглядела безнадежно отставшей от европейских стран. Конечно, она отставала по уровню развития экономики от Англии и Голландии, но другим странам она не уступала, а многие даже опережала. Например, по выплавке чугуна Россия во второй половине XVIII в. занимала первое место в мире, обгоняя в этом даже Англию, которая в это время уже вступила в промышленную революцию [См. подр.: 2. С. 86-87]. Вообще говоря, стоит особо подчеркнуть, что мнение об отсталости России в XVIII в. — одна из наиболее растиражированных легенд, которая сложилась еще в середине XIX века. Однако суть дела в том, что определенные экономические успехи страны были обеспечены экономическими структурами, существенно отличавшимися от тех, которые существовали в европейских странах. Играющие главную роль казенные и вотчинные мануфактуры по-прежнему использовали крепостной труд. Крестьянские мануфактуры возникали вне городов, а их хозяева все еще оставались крепостными. В отличие от Западной Европы, где среди предпринимателей росло число дворян, российские дворяне, за редким исключением, не занимались промышленной деятельностью. Основная часть русских предпринимателей формировалась из крестьян и посадских людей, однако особым указом лицам недворянского происхождения запрещалось покупать крестьян для своих предприятий.

Имеются основания утверждать, что в России к концу XVIII века был достигнут максимальный уровень развития производства на основе описанной выше «полуазиатской» системы хозяйства. Однако этот путь оказался тупиковым, Россия стала быстро отставать от переходящей к капиталистической системе производства Европы. С началом XIX в. постоянно возникал вопрос об отмене крепостного права, о расширении экономических свобод производителей, что подготовило последующие либеральные реформы.

В особой степени необходимость модернизации стала вполне очевидной после поражения России в Крымской кампании. В результате заключения в 1856 г. в Париже уничижительного мирного договора с Турцией, Англией и Францией России было запрещено держать флот на Черном море, она утратила дунайские земли. Международному престижу страны был нанесен колоссальный урон, рухнула вера в национально-государственную *исключительность* страны, в правильность ее внутренней политики, исходившей из принципа «Запад нам не указ». Все это заставило вступившего на престол Александра II приступить к либеральным реформам.

Ход и содержание политических и экономических реформ в России второй половины XIX в. хорошо известны. Поэтому вернемся к поставленному выше вопросу о том, какие варианты *идеологии* были востребованы для оправдания и стимулирования модернизации и индустриализации страны. На наш взгляд, если учесть все сказанное об историческом своеобразии России и затянувшейся отсталости ее экономики, то даже используемая в ряде случаев для характеристики модель «*запаздывающей модернизации*» представляется слишком слабой для ответа на поставленный вопрос. Как представляется, многое становится на свои места, если исходить из общего представления о России второй половины XIX в. как о «*развивающейся стране*»¹. В том значении этого понятия, которое используется ныне для обозначения стран «третьего мира», вставших на путь экономической модернизации, перехода к рыночным отношениям и овладения достижениями современной технологии.

¹ Подобную трактовку России XIX века как развивающейся страны обосновывает известный английский социолог, специалист по «крестьянским экономикам» Т.Шанин в своей книге: Shanin T. Russia as a «developing society». L., 1985.

На первый взгляд такая аналогия может показаться совершенно неприемлемой, в серьезной степени принижающей уровень развития российского общества. В самом деле: Россия никогда не была колонией; более того, она сама, по сути, проводила колониальную политику, многократно расширяя свою территорию. В России были, хотя и очень тонкие, европеизированные социальные слои, в отличие от типичных «развивающихся стран». В нашей стране, по крайней мере в столичных центрах, развивались литература и искусство, существовали университеты и другие институты развитой цивилизации. Однако было бы неверным понимать развивающееся общество лишь как бедное или переставшее быть колонией. Например, колонией никогда не была и Япония, чуть позже России вступившая на путь модернизации и также относящаяся к первым в истории «развивающимся обществам».

Необходимо особо подчеркнуть, что характеристика какой-либо страны как «*развивающегося общества*» связана с определенными *внешними* и, что важнее, *внутренними* структурами и факторами. К внешним факторам относится то, что это общество вступает в интенсивные контакты со странами, уже осуществившими индустриализацию, освоившими новые технологии и перестроившими свою экономику на основе развитых рыночных отношений. В странах, успешно совершивших модернизацию, создается база ускоренного развития, поэтому другим обществам, стремящимся модернизироваться и не отстать от них, крайне трудно устранить существующий разрыв или добиться его уменьшения.

Что же касается внутренних факторов, то в развивающихся обществах неизбежно возникает глубокий внутренний разрыв между ними и теми достаточно развитыми социальными и экономическими институтами, которые обычно «импортируются» извне. При этом новые формы, как правило, распределены в социальном пространстве локально, что порождает противоречия между немногими продвинутыми центрами и отсталой периферией остальной страны. Вполне естественно, что все эти разрывы приводят к низкой интеграции общества, что сдерживает развитие страны и придает ему импульсивный характер неорганических «волн» модернизации. Как представляется, Россия второй половины XIX в. во многих чертах укладывается именно в такое понимание развивающегося общества.

Нам представляется, что изложенный выше подход позволяет более корректно уяснить характер происходивших в нашей стране процессов. В частности, более выпукло предстают особенности идеологического сопровождения процессов экономической модернизации, поскольку именно эти объективные, неизбежно возникающие противоречия порождают особые формы идеологии, которые нетипичны для более развитых европейских стран, которые осуществляли переход к индустриальному капитализму на более органичной основе.

Конечно, будет логичным задать вопрос: почему российское общество само не осознавало себя в то время в качестве развивающегося? Однако это суждение верно только лишь отчасти. Постоянно обсуждаемые отечественной социально-философской мыслью вопросы «Восток — Запад», «Россия и Европа», как это нетрудно теперь видеть, вовсе не специфичны только для России, но типичны для многих современных стран, ставших на путь модернизации. Разумеется, нужно учитывать и тот факт, что Россия, по сути, была исторически первой развивающейся страной, и какого-то связного комплекса социально-философских понятий для описания этого феномена в то время еще не существовало.

Учения славянофилов и западников в этом контексте выступают в качестве типичных идеологий расколотого «развивающегося общества». Первые выражают консервативно-охранительное отношение к сложившимся традиционным формам жизни и хо-

зайства. Вторые призывают следовать пути уже совершивших буржуазные преобразования и индустриализацию стран. В той ситуации, в какой оказалась Россия в середине XIX в., казалось бы, не должно было быть достаточно сильных альтернатив западной либеральной традиции. И действительно, поначалу, особенно после конфуза в Крымской компании, слово «*либерализм*» получило полноправное гражданство, стало лозунгом каждого образованного и здравомыслящего человека в России. Необходимость политических и экономических реформ в духе подлинного либерализма проповедовали с университетских кафедр К.Д.Кавелин и Т.Н.Грановский. Самый видный русский либерал XIX в. Б.Н.Чичерин в 1855 г. писал о либерализме так: «Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение, если мы только страхнем с себя губящую лень и равнодушие к общему делу. Это слово, которое изгонит из нас внутреннюю порчу, которое дает нам возможность стать наряду с другими народами и с обновленными силами идти по тому великому пути, залог которого лежит в высоких доблестях русского народа» [3. С. 111].

К сожалению, прогнозам видного общественного деятеля не суждено было сбыться. Приходится констатировать, что либерализм не стал ни знаменем, ни могущественной идеологией, которая стимулировала бы развитие российского общества. Его судьба в дореволюционной России оказалась незавидной и оказала достаточно слабое влияние на умонастроения тех социальных групп, которые стремились осуществить или вовлекались в процессы модернизации [См. подр.: 4, 5].

Это же следует сказать и об интеллигенции как том социальном слое, от которого можно было ждать идеологической поддержки либерализации страны. Так, наиболее оригинальные и влиятельные философы предпочли рациональному и «плоскому» либерализму богатую идеями метафизику всеединства и историософию В.С.Соловьева, которая обосновывала весьма далекую от либерального направления «русскую идею». Но наиболее влиятельной и массовой среди тогдашней российской интеллигенции стала вовсе не изощренная метафика всеединства, а более простая и действенная западная *социалистическая* идеология. В социалистическом учении многие тогда видели науку, которая открывает путь к построению подлинно свободного общества. Вера в социализм превратилась в среде радикальной интеллигенции в некий суррогат религии. Об этом хорошо написал известный отечественный философ Н.О.Лосский: «О русской интеллигенции второй половины XIX века говорят, что она была наиболее атеистическою. Это неверно: она была действительно наиболее внецерковною, но это не значит, что она была атеистическою... У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания» [6. С. 250-251]. Н.А.Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» подчеркивал, что среди главных интересов русской интеллигенции всегда были вопросы *равенства* и *уравнительного распределения*, ее мало интересовало то, какие механизмы лежат в создании экономического богатства общества [7. С. 12, 17 и др.].

Поначалу российский социализм был тесно переплетен с народнической верой в общину. Но эта вера была быстро вытеснена «научным социализмом» — марксизмом. Как это ни странно, именно марксистская идеология стала к концу XIX века наиболее влиятельной идеологией индустриализации в российской среде. Марксизм позволял русской интеллигенции смириться с приходом капитализма в страну и разрушением ее прежней социалистически-народнической веры в общину и артель, поскольку это учение пред-

ставляло капиталистическую индустриализацию как результат железных законов исторического развития. Нам представляется, что именно эта связь может объяснить то влияние, которое приобрела марксистская идеология в России. Она поначалу повлияла на многих людей, чье мировоззрение в целом было чуждым идеям марксистского социализма — С.Н.Булгакова, С.Л.Франка, Н.А.Бердяева, П.Б.Струве, П.Н.Милюкова и многих других. В 1902 г. П.Б.Струве, уже отошедший от марксизма, все же писал, что «русский марксизм «оправдал» капитализм в прямой полемике не только с народничеством, но и со всею почти официальной наукой и *дал объяснение исторической необходимости* (курсив наш. — А.С.) капитализма в России» [Цит. по: 4. С.10].

Таким образом, вовсе не либерализм, а принципиально противостоявшая ему марксистская идеология выполняла в российской экономической модернизации функцию, схожую с той, какую играл сен-симонизм во французской индустриализации. Однако в учении французского идеолога «индустриализма», как известно, главная миссия отводилась не объективным законам развития производительных сил, а энергии и знаниям промышленных предпринимателей, коммерсантов и банкиров. Именно они изображались подлинными героями своего времени, и общество должно было смириться с концентрацией в их руках крупных капиталов и власти. В противоположность этому в российской среде под влиянием марксистской идеологии мало кто видел в новом классе предпринимателей-капиталистов социальных лидеров, которые должны руководить развитием общества на его пути к «золотому веку». Как это ни покажется странным, при весьма впечатляющих успехах российской экономической модернизации конца рубежа XIX-XX веков, при масштабной социальной и меценатской деятельности тогдашних предпринимателей трудно найти какие-либо положительные образы русских капиталистов.

Об этом хорошо сказал писатель Д.Гранин: «Многие ли сегодня знают о прогрессивной многогранной роли таких представителей делового мира, как Путилов, Елисеевы, Морозов, Мамонтов, Рябушинские. А ведь они были зачинателями новой культуры производства и труда. Выйдя на историческую арену, они проявили себя и как страстные поборники быстрого интеллектуального, культурного, нравственного развития страны. При их гуманной меценатской помощи строились научные институты, больницы, дома призрения, церкви, библиотеки, другие культурные учреждения. В том, что мы до сих пор обкрадываем эту часть исторической памяти, отчасти повинна и наша литература. Тургенев, Гончаров, Толстой, Чехов не признавали в общем-то делового человека в качестве подлинно духовной, нравственной личности. Невольно читатель отдает предпочтение, скажем, Обломову, а не Штольцу. Мне кажется, для подъема так необходимой нашему обществу трудовой активности, преодоления апатии, иждивенчества, поднятия профессионализма целесообразно более разносторонне представить, показать делового человека зарождавшегося в России капитализма. Мы можем найти опору в прошлом, реабилитировав людей с деловой хваткой, которые должны были прорываться сквозь завесу общественного непонимания» [8. С.15].

Непонимание прогрессивной роли предпринимательства, отношение к ним в повседневном массовом сознании лишь как к «толстосумам», «буржуйам», естественно, сопровождалось «теоретической» критикой радикальной российской интеллигенции, которая усиленно укореняла в общественном сознании представление о промышленниках и предпринимателях как эксплуататорах, присваивающих прибавочную стоимость. В свете этих идей предпринимательская деятельность характеризовалась как эксплуатация народа, паразитическое обогащение за счет большинства нации, как занятие безнравственное, если не преступное. Известный российский историк С.С.Ольденберг в этой связи приводит ряд интересных свидетельств, подтверждающих, что «русское об-

щество имеет сильное предубеждение против предпринимательской деятельности». Он, в частности, пишет о широком распространении в обществе убеждений, что «честнее быть агрономом на службе землевладельческого земства, чем землевладельцем, статистиком у промышленника, чем промышленником» [9. С. 309].

Между прочим, и в самой среде предпринимателей не было уверенности в социальной праведности собственной жизни и деятельности, в незыблемости права собственности на накопленные ими капиталы. В крайних формах это проявлялось в существовании в среде русских предпринимателей чувства «неоплатного долга», заставлявшего некоторых из них даже финансировать революционные организации, боровшихся за уничтожение основ их же собственного бытия. В иной форме это выражалось в чувстве «стыда своего богатства». Как отмечает Н.А.Бердяев, «русский купец, который нажил-ся нечестным путем и сделался миллионером, склонен был считать это грехом, замаливал этот грех и мечтал о монашестве. Поэтому купец был плохим материалом для образования буржуазии западноевропейского типа» [10. С. 119].

Подводя итог рассмотрению этого вопроса, можно сказать, что хотя российские предприниматели в процессе экономической модернизации выполняли тот же спектр функций, что и их западноевропейские коллеги, их деятельность не получила должного *идеологического оправдания*, которое мог дать только теоретически продуманный и хорошо укоренившийся в обществе либерализм. Однако возникшая после 1905 г. либеральная партия — Партия народной свободы (конституционные демократы) — в теоретическом отношении делала принципиальные уступки коллективистскому либерализму, патерналистской ответственности государства за благосостояние народа, а в практическом отношении спасовала в решающий момент перед социалистами. В результате, говоря словами философа С. Л. Франка, в России сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда сами собственники не имели «собственного мировоззрения», бескорыстной и сверхличной веры в святость принципа собственности [См.: 11. С. 56].

Особенно это проявилось в годы Первой мировой войны. В это время, как отмечал известный промышленник П.П.Рябушинский, «частное предпринимательство, благодаря которому расцвела экономическая жизнь в России к 1913 году, в момент кризиса ассоциировалось у народа с бандой спекулянтов, наживающихся на народном горе» [Цит. по: 12. С. 148]. В результате в 1917 г. российская буржуазия оказалась в изоляции от народа, она продемонстрировала неспособность консолидироваться на основе единого мировоззрения и в итоге проявила неумение защитить себя, а вместе с тем и развитие по уже апробированному Европой цивилизованному пути. Тот же П.П.Рябушинский объяснял причину этого следующим образом: «Российская буржуазия, численно слабая, не была в состоянии выступить в ответственный момент той регулирующей силой, которая помешала бы идти событиям по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала объединению в наступивший роковой момент, стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила» [Там же. С. 152].

Таким образом, отсутствие укорененности в сознании и повседневной жизни индивидов лишило либерализм его мобилизующего потенциала, он оказался не в состоянии побудить к защите своих идеалов сколько-нибудь значительную часть общества. В этом плане российский либерализм явился, если можно так выразиться, достаточно «камерным» явлением. Помимо указанных, причина этого обстоятельства состояла в слабости институтов и традиций гражданского общества. Вместе с тем судьба либерализма в России все же не дает оснований для вывода о его врожденной несовместимости с политической и экономической жизнью нашей страны. По своей сути либерализм — естественный спутник модернизации общества. И если в России он был оттеснен на задний план,

то причины этого, помимо общеевропейской увлеченности социалистическими идеями, состоят также в том, что процесс модернизации шел неорганично и принимал, с одной стороны, крайне усеченные, а с другой — насильственные формы.

Библиографический список

1. Туган-Барановский М.И. Русская интеллигенция и социализм (по поводу сборника «Вехи») // Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. М.: Росспэн, 1996. С. 52-72.
2. Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: Филин, 1999.
3. Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. М., 1975. Вып. 2.
4. Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997.
5. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М.: Русский путь; Полиграф-ресурсы, 1995. 548 с.
6. Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Изд-во политической лит-ры, 1991. С. 237-360.
7. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 11-30.
8. Гранин Д. Историческая память обновляющегося общества // Новый мир. 1990. №8.
9. Ольденберг С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.
10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
12. Петров Ю.А. Павел Павлович Рябушинский // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.

A. Sorochaikin

MODERNIZATION AND ITS IDEOLOGICAL JUSTIFICATION: EXPERIENCE OF RUSSIA

This article is devoted to argument of Russian individuality status as developing society. The characteristic is determined by external (intensive contacts with industrialized countries) and internal (deep rupture between «imported» social-economical institutions and Russian special social structures) circumstances. Special attention is paid to comprehension of ideological accompaniment of modernization process and understanding of reasons of Russian liberalism ideological weaknesses .